

Title	Палеоазиатские заимствования в тунгусо-маньчжурских языках
Author(s)	ПЕВНОВ, А.М.
Citation	北方言語研究, 特別号, 13-24
Issue Date	2022-03-20
Doc URL	https://hdl.handle.net/2115/84931
Type	departmental bulletin paper
File Information	02_Pevnov.pdf

Палеоазиатские заимствования в тунгусо-маньчжурских языках

А.М. ПЕВНОВ
(Институт лингвистических исследований
Российской академии наук, Санкт-Петербург)

Термин «палеоазиатские языки» (или, как их ещё называют, «палеосибирские») предполагает отрицательное определение: к палеоазиатским языкам относятся неалтайские и неуральские.

Палеоазиатские языки – это условное объединение нескольких языковых семей и изолированных языков. В настоящее время существуют чукотско-камчатская и эскимосско-алеутская языковые семьи. В XIX-XX вв. ещё существовали енисейская и юкагиро-чуванская языковые семьи. Нивхский и айнский – это языки-изоляты.

Прежде чем говорить о палеоазиатских заимствованиях в тунгусо-маньчжурских языках, следует кратко охарактеризовать тунгусо-маньчжурскую языковую семью. К этой семье относятся следующие языки/идиомы: эвенкийский, эвенский, арманский, негидальский, солонский, орочёнский, тунгусский хамниганский, удэгейский, ороцкий, ульчский, уильта, нанайский, маньчжурский, сибинский, а также средневековый чжурчжэньский. Кроме того, до относительно недавнего времени существовали смешанные тунгусо-маньчжурские языки: кили, килен, альчука, бала.

Тунгусо-маньчжурские языки сконцентрированы в бассейне реки Амур, целиком за пределами бассейна этой реки в разное время оказались лишь эвенский, уильта и сибинский.

Тунгусо-маньчжурский праязык существовал примерно до начала нашей эры, причём с высокой степенью вероятности на нём говорили в бассейне реки Амур. Если предлагать более точную локализацию, то это мог быть хребет Малый Хинган с прилегающими территориями.

Есть разные классификации тунгусо-маньчжурских языков: бинарные, тернарные и квадринарные. Первым предложил квадринарную классификацию тунгусо-маньчжурских языков Дз. Икэгами. Я также придерживаюсь квадринарной классификации языков этой семьи. Предлагаю такие названия ветвей тунгусо-маньчжурской языковой семьи: маньчжурская (к ней относятся маньчжурский,

чжурчжэньский и сибинский), амуро-сахалинская (нанайский, ульчский и уильтинский), сихотэ-алинская (орочский и удэгейский), тунгусская (эвенкийский, эвенский, арманский, негидальский, солонский, тунгусский хамниганский и ороченский языки/идиомы).

Имеет смысл разграничивать три разновидности праязыка: базисный праязык, промежуточные праязыки и финальные праязыки.

История тунгусо-маньчжурской языковой семьи в виде схемы выглядит следующим образом:

Стрелками обозначено влияние одного финального праязыка на другой.

Расшифровка сокращений:

- *т.-м. (*MACT) – базисный праязык, иначе – пратунгусо-маньчжурский язык
- *AST – промежуточный праязык – предок промежуточного праязыка *СТ и финальных праязыков *А, *С и *Т
- *СТ – промежуточный праязык – предок финальных праязыков *С и *Т
- *М – финальный праязык, к которому восходят языки маньчжурской ветви
- *А – финальный праязык, к которому восходят современные языки амуро-сахалинской ветви
- *С – финальный праязык, к которому восходят современные языки сихотэ-алинской ветви
- *Т – финальный праязык, к которому восходят современные языки тунгусской ветви

Переходим непосредственно к нашей теме – к палеоазиатским заимствованиям в тунгусо-маньчжурских языках.

Сначала речь будет идти о палеоазиатских заимствованиях в отдельных современных тунгусо-маньчжурских языках (1), затем – в ареально близких современных тунгусо-маньчжурских языках (2), далее – в финальном праязыке *Т (3), затем – в промежуточном праязыке *СТ (4), а в самом конце – в базисном тунгусо-маньчжурском праязыке *МАСТ (5).

1. Заимствования из палеоазиатских языков, свойственные лишь одному какому-либо тунгусо-маньчжурскому языку

На северо-западе эвенского диалектного континуума в «булунском диалекте, очень похожем, например, на саркырырские идиомы» [Westlamutische Materialien 1978: Vorwort], есть по крайней мере три лексических заимствования из юкагирского языка (далее почти все примеры приводятся в моей транслитерации): эвенское булунское *ald'a* 'лодка', ср. юкагирское тундренное *өл'д'эн* 'лодка' (транскрипция Е.А.Крейновича [Крейнович 1958: 276]); эвенское булунское *uondi* 'вода', ср. юкагирское колымское *ōd'i* 'вода', эвенское булунское *amip* 'кость; нога', ср. юкагирское тундренное *amip* 'кость'. Заимствование названия лодки не должно удивлять, однако как объяснить, что при крайне незначительном количестве слов, заимствованных из юкагирского языка, булунский диалект эвенского языка утратил исконные тунгусо-маньчжурские слова, означающее 'вода' и 'кость', и заменил их юкагирскими? Ведь оба эти слова относятся к базисной, крайне редко заимствуемой лексике. Кстати, в аллаиховском говоре эвенского языка [Дуткин 1995: 117] также есть заимствованное из юкагирского слово *ōndi* 'вода'.

В восточных говорах эвенского языка есть несколько заимствований из чукотско-камчатских языков; например, в ольском говоре слово *koŋajta* 'штаны (дорожные, меховые, шерстью наружу)' заимствовано, как отмечает К.А.Новикова, из корякского языка [Новикова 1980: 184]. Клавдия Александровна не приводит соответствующее корякское слово; судя по корякско-русскому словарю [Молл 1960: 61], это *qonajo, qonajte* 'штаны, брюки'. Несомненным заимствованием из корякского языка следует считать эвенское слово *otčən* 'шалаш; навес для вещей (от дождя)' (ольский говор), ср. корякское *oččan* 'амбар'. Также безусловно заимствовано из какого-то чукотско-корякского языка эвенское слово *tāja* 'продовольственный запас', ср. корякское *tajmaj* 'склад запасов в тундре'. Я бы также сравнил эвенское *taq* 'соль' с чукотским *tʔejutʔej* 'соль' (неполная редупликация основы, без редупликации эта основа представлена в чукотском слове *tʔajosʔən* 'солонка').

В эвенском языке есть немало количество слов неизвестного происхождения, некоторые из них в будущем могут быть интерпретированы как заимствования из чукотско-камчатских языков. Приведу несколько примеров таких слов,

извлечённых из эвенско-русского словаря в книге [Новикова 1980] только на букву «а»: *anāŋ* ‘горный баран (самец шести лет)’, *aŋta* ‘дохлая рыба лососёвой породы, выброшенная на берег в период нереста’, *ājir* ‘гарпун (для охоты на нерпу)’, *āmŋā* ‘дохлая нерпа, выброшенная волной на берег’.

Негидальский язык заимствовал буквально несколько слов из нивхского, например: *təmgənži* ‘неся на руках’ (ср. нивхское *təmk* ‘рука’), *pulukuži* ‘жёлудь’ (ср. нивхское *pulks* ‘жёлудь’). Негидальское название медвежьего праздника *ŋaska* имеет несомненно нивхское происхождение, однако негидальским языком это слово было заимствовано из какого-то соседнего тунгусо-маньчжурского языка.

Подобные эксклюзивные заимствования из нивхского есть в языке уильта (эксклюзивным можно назвать такое заимствование, которое имеется лишь в одном языке).

Лексических заимствований из нивхского языка в уильтинском значительно меньше, чем можно было бы ожидать. Мне удалось найти 30 слов, заимствованных из нивхского языка в уильтинский. Вот некоторые из них:

уильта *kō* ‘лёд на реке’, ср. нивхское (Поронайск) *qo* ‘лёд весной’ [Yamaguchi and Izutsu 2004: 30];

уильта *panču* ‘топор’, ср. нивхское восточносахалинское *pand'u* ‘секирообразный топор’ [Крейнович 1973: 483];

уильта *xababi* ‘лёгкие’, ср. нивхское *havaf* ‘лёгкие’;

уильта *xairi* ‘рыбья икра’, ср. нивхское (амурское) *həyr* ‘икра’; интересно, что в восточносахалинском диалекте нивхского языка икра называется не **həyr*, как можно было бы ожидать, а *ŋauk*;

уильта *čonō* ‘внутренний угол (например, в доме)’ восходит к **čonoko*, ср. нивхское (амурское) *t'on'x* ‘угол’ (слово *čonō* заимствовано относительно недавно, так как звук *č* не подвергся депалатализации).

Самое удивительное – это то, что при относительно слабом лексическом влиянии нивхского языка на уильтинский, в последнем есть нивхские заимствования, относящиеся к базисной лексике: уильта *ŋojokko* ‘яйцо’ (ср. нивхское *ŋojeq* ‘яйцо’), уильта (северный диалект) *koži* ‘шея’ (ср. нивхское *q^hos* ‘шея’), уильта *inijəri* ‘звезда’ (ср. нивхское *in'yr* ‘звезда’, последнее сравнение приведено в [Ikegami 1997: 220]).

Интересно, что наряду с несколькими словами, относящимися к базисной лексике, уильтинский язык заимствовал из нивхского показатель императива 2-го лица единственного числа *-ja*, ср. аналогичный нивхский аффикс *-ja* (например: *vi-ja* ‘иди’, *bo-ja* ‘возьми’). Т.Цумагари назвал уильтинскую форму императива на *-ja* «вежливой формой» [Tsumagari 2009: 8]. Приведу пример употребления этой формы: *Gə ŋəpəjə ŋəpəjə* ‘Да ладно, иди, иди’. Впрочем, аналогичный показатель

императива есть в удэгейском языке: «Повелительное наклонение, передающее приказание или просьбу говорящего действующему лицу, образуется показателем *-йа/-йэ/-йо* для ед. числа, с добавлением личного окончания во мн. числе: *буйэ* ‘дай’ – *буйэһу* ‘дайте’» [Кормушин 1998: 96].

В языке уильта немало слов неизвестного происхождения, я насчитал их 373 (в «Сравнительном словаре тунгусо-маньчжурских языков» всего примерно 1.500 уильтинских (орокских) слов) [ССТМЯ 1977: 782-805]. Эти уильтинские слова неизвестного происхождения заимствованы минимум из двух языков, так как, с одной стороны, есть слова, семантика которых связана с морем, а с другой, – имеется некоторое количество оленеводческих терминов. Приведу примеры: *askuttu* ‘осьминог’, *natalbōri* ‘морская звезда’, *bāwu* ‘пятнистая нерпа’, *balan̄ga* ‘детёныш нерпы 1-2 лет’, *kaiyari* ‘крупная нерпа’, *tāndo* ‘передовой ездовой олень’, *ujru* ‘весеннее пастбище’, *xākə* ‘помесь домашнего оленя с диким’. По-видимому, «морская лексика» была заимствована на Сахалине из какого-то неизвестного исчезнувшего палеоазиатского языка. Из неизвестного языка (или из неизвестных языков) заимствовались в язык уильта не только слова, имеющие отношение к культуре. Были заимствованы глаголы *kāpa-* ‘подняться (например, на гору)’, *səgdə-* ‘лететь’, *isu-* ‘вернуться’, *əksə-* ‘положить’ и другие. Заимствование глаголов указывает на то, что контакт с неизвестным языком (или языками) не был поверхностным.

Из всех тунгусо-маньчжурских языков только в удэгейском есть три слова, которые могут иметь, как мне кажется, чукотско-корякское происхождение: удэгейское *ogbüö* ‘лось’ (< *obgüö) можно сравнить с чукотским *wopqə ~ ʎopqə* ‘лось’, удэгейское *ətətə-* ‘работать’ можно сравнить с корякским *vetatə-* ‘работать’, удэгейское *asasa* ‘спасибо’ (< *ačača) можно сравнить с корякским *ačačaka* ‘вкусно, сладко’ (в семантическом плане ср. эвенское момское *alākē* ‘1) Как вкусно! Как сладко! Как приятно! 2) Спасибо!’ [ССТМЯ 1975: 27], нанайское бикинское *alaq'a ~ alak'i* ‘1. радость; 2. хорошо; 3. спасибо, ладно’ [Сем 1976: 137] (исходным значением было ‘Как вкусно!’, ‘Как сладко!’, ср. эвенкийское *alākē* с этим значением [Мыреева 2004: 34])). Лось был для удэгейцев одним из основных объектов охоты, поэтому его исконное название вполне могло быть табуировано и заменено заимствованным. Что касается слов со значением ‘спасибо’ и ‘работать’, то почти во всех тунгусо-маньчжурских языках они являются заимствованиями. Таким образом, нисколько не удивительно, что эти три слова были заимствованы. Удивляет то, что они могли быть именно эксклюзивно заимствованы удэгейским языком из какого-то чукотско-корякского.

2. Заимствования из нивхского в ареально близких тунгусо-маньчжурских языках

Здесь речь будет идти о небольшом количестве лексических заимствований из нивхского, а также из какого-то неизвестного палеоазиатского языка в тунгусо-маньчжурские языки бассейна нижнего Амура и прилегающих территорий.

Приведу пример заимствования из нивхского языка в некоторые тунгусо-маньчжурские: ульчское *wagbaŋgi*, ороческое *wabaŋgæ*, удэгейское *wambaxi* 'рукавицы', ср. также маньчжурское *babuxa* 'перчатка'. Эти слова связаны по происхождению с нивхским *vamq* 'рукавицы', где сегмент *-q* был, вероятно, словообразовательным суффиксом для названий одежды, ср. *larq* 'рубашка, платье', *oq* 'шуба', *haq* 'шапка'.

Бесспорным заимствованием из нивхского в некоторые языки Приамурья, а также в язык уильта является ульчское *pondo* 'обувь из рыбьей кожи', нанайское *pondōkto* 'вид обуви из рыбьей кожи', уильтинское *pondō* (винительный падеж *pondokkō*) 'обувь из рыбьей кожи'. Эти названия обуви происходят от нивхского слова *mən'd'x* 'промысловая зимняя обувь из нерпичьей шкуры или кожи осенней кеты', которое было образовано из двух слов: *mən'd'* 'рыбья кожа' и *ki* 'обувь'.

Название корюшки также, скорее всего, нивхского происхождения: ср. ульчское и уильтинское *arku* 'корюшка', ороческое *āku* 'морская корюшка' и нивхское *arqe* 'крупная корюшка'.

Большой интерес представляют слова неизвестного происхождения в тунгусо-маньчжурских языках Приамурья. Таких условно палеоазиатских слов немало, причём заимствованы были не только термины, связанные с материальной культурой, но также такие чрезвычайно важные для духовной культуры слова, как, например, **xadāku* 'создатель вселенной', **tāmu(n)* 'водная стихия; хозяин или хозяйка водной стихии', **riža* 'хозяин огня'. По-видимому, в самом начале тунгусо-маньчжурского освоения бассейна нижнего Амура нивхи там были не единственными палеоазиатами.

3. Чукотско-корякские заимствования в тунгусо-маньчжурском финальном праязыке *Т

Если говорить о тунгусо-маньчжурских финальных праязыках, то чукотско-корякские заимствования имеются только в праязыке *Т, то есть в непосредственном предке эвенкийского, эвенского, арманского, негидальского, солонского, хамниганского и ороченского языков (идиомов). Приведу примеры: Эвенкийское *mātā* 'гость; сосед' и эвенское *māta* 'чужой, незнакомый; незнакомец' соответствуют чукотско-корякской глагольной основе *mata-* 'брать в жёны', от которой образованы существительные, означающие 'тесть', 'свёкор', а в корякском языке также 'зять'. Первой такое сравнение предложила

Г.М.Василевич, цитирую: «... В преданиях подкаменно-тунгусских эвенков этим термином называют род жены и всех его членов <...>. В современных говорах словом «мата» называют инородца, соседа, гостя, пришельца, богатыря. Из других языков это слово известно только в эвенском в значении «пришелец», «путник», «чужеродец». Но в чукотском и корякском языках от корня «мата» образуются все термины свойства и глагол «брать в жены». Это не случайное совпадение, а, как и многие другие факты, общие для языка и этнографии чукчей и коряков, с одной стороны, и тунгусов – с другой, свидетельствует о древних связях отдаленных предков тунгусов с сибирскими предками современных чукчей и коряков (оленных)» [Василевич 1966: 338].

Очевидно, у пратунгусов были соседи, говорившие «по-чукотско-корякски», – с этими соседями у пратунгусов были матримониальные отношения, то есть пратунгусы брали у этих соседей девушек в жёны. То, что эвенкийское слово *mātā* означает 'гость, сосед', а в эвенском у соответствующего слова значение 'чужой, незнакомый', не должно смущать – ведь русскому слову *гость* или английскому *guest* соответствует латинское *hostis*, которое первоначально означало 'незнакомец, чужой', а затем, в классическом латинском языке, – 'враг'. Заимствованием в пратунгусский язык *Т является слово, рефлексам которого выступают эвенкийское *nīmin* или *nim* 'похлёбка из взбитой крови оленя' и эвенское *n'imti-* 'есть суп, кашу из крови оленя'. В «Сравнительном словаре тунгусо-маньчжурских языков» [ССТМЯ 1975: 593] эти слова сравниваются с чукотским и корякским *nəminət* 'бульон'.

Что касается возможных заимствований в чукотско-корякских языках из финального праязыка *Т (из пратунгусского), то для этнографов может представлять интерес сравнение чукотского слова *wanqač* 'яловая важенка' с эвенкийским *wāngaj* 'яловая важенка' и с эвенским *māngaj* 'неогулявшаяся самка домашнего оленя'. Однако и в тунгусских языках название яловой важенки, вероятно, является заимствованием. Источник заимствования неизвестен, можно привести лишь сравнение с прасеверносамодийским **wāŋkəti-* 'яловая важенка' ([Аникин, Хелимский 2007: 120], см. цитированную в этой работе литературу).

4. Чукотско-камчатские заимствования в тунгусо-маньчжурском промежуточном праязыке *СТ

Напомню, что к промежуточному праязыку *СТ восходят сихотэ-алинская и тунгусская ветви тунгусо-маньчжурской языковой семьи.

Приведу примеры чукотско-камчатских заимствований в тунгусо-маньчжурском промежуточном праязыке *СТ:

Эвенкийское *tirga-nī* 'день', эвенское *tirgān* 'зенит, полдень', негидальское *tejgani* 'дух солнца', удэгейское *tigaʔa* в словосочетании *inəŋi tigaʔa-ni* '(в?) полдень'

можно сравнить с чукотским *tirkətir* ‘солнце’ и корякским *tijkətij* ‘солнце’ (в обоих языках неполная редупликация основы).

Эвенкийское *čaŋit* ‘бродяга, разбойник (в фольклоре ‘враг’)', ороческое *čaŋiti* ‘разбойник, бандит, захватчик’ можно сравнить с чукотским *tanŋətan* ‘чужак; коряк; европеец’ и корякским *tan'ŋətan'* ‘противник’ (в обоих языках неполная редупликация основы); интересно, что в эвенском языке есть значительно более позднее заимствование соответствующего слова, по-видимому, из корякского языка: *tanŋəp-* ‘1) брать в плен, в заложники, в рабство; 2) грабить’. Кстати, Г.М.Василевич отмечает, что в эвенкийском фольклоре *чангит* – это «название группы древнего населения, с которой у тунгусов бывали столкновения» [Василевич 1958: 515].

Эвенкийскую глагольную основу *n'əkə- ~ n'ikə-*, эвенскую *n'ək-*, негидальскую *n'əkə-, n'əxə-*, ороческую *n'ə-*, удэгейскую *n'əxə-* ‘заниматься чем-либо, действовать, поступать’ можно сравнить с корякскими основами *nikə- ~ nəkə-, nijkə- ~ najkə-*, которые «употребляются, когда говорящий затрудняется произнести слово с конкретной лексической семантикой, требуемое контекстом – забыл, не может сразу вспомнить, не может сразу подобрать нужное слово, не может выговорить (особенно часто – заимствованное слово), избегает употребления какого-либо слова в разговоре» [Жукова 1972: 181].

Были заимствования и в противоположном направлении – вероятно, из тунгусо-маньчжурского промежуточного праязыка *СТ в предок чукотско-камчатских языков. Примером может служить чукотско-корякское слово *ləŋŋəl* ‘сказка’ – предположительно оно имеет тунгусо-маньчжурское происхождение, впрочем, и в тунгусо-маньчжурских языках оно явно не исконное – соответствия имеются в монгольских и тюркских языках. Насколько мне известно, первой написала об «общем происхождении тунгусо-маньчжурского и чукотско-корякского терминов» Г.М.Василевич: эвенкийское слово *nimŋan* Глафира Макарьевна сравнила с чукотско-корякским *ləŋŋəl* ‘сказка’ [Василевич 1966: 7]. Глагольная основа **nimŋa-* имеет в тунгусо-маньчжурских языках (за исключением маньчжурского) не только значение ‘рассказывать сказки’, но и ‘шаманить’.

Думаю, что чукотско-корякское слово *pilyəŋ* ‘горло’ также имеет тунгусо-маньчжурское происхождение, ср. эвенкийское, нанайское *bilga* ‘горло’, маньчжурское *bilxa* ‘горло’. Надо сказать, что слова, обозначающие шею, горло по какой-то причине легко заимствовались – в этой статье я уже упомянул уильтинское *koži* ‘шея’, заимствованное из нивхского языка.

В этой связи можно также предложить сравнение эвенкийского *kawka*, эвенского *kapkă*, ульчского *kawka* и нанайского *kaokă* ‘дыхательное горло’ с чукотским *kewkew* ‘1) хрящ; 2) дыхательное горло’ и с корякским *kawkaw ~ kewkew* ‘хрящ’. При этом остаётся неясным направление заимствования. Если чукотское и

корякские слова были образованы посредством редупликации, то в таком случае заимствование пришло из чукотско-корякских языков в тунгусо-маньчжурские, причём не в финальный праязык *Т и не в промежуточный праязык *СТ, а в более ранний промежуточный праязык *АСТ. Таким образом, не исключено, что контакты тунгусо-маньчжурских языков с чукотско-корякскими (чукотско-камчатскими?) начались значительно раньше – возможно, в первой половине первого тысячелетия нашей эры.

5. Предполагаемое заимствование из нивхского языка в базисном тунгусо-маньчжурском праязыке *МАСТ

Для базисного тунгусо-маньчжурского праязыка можно реконструировать слово *talaka ‘мелко нарезанная сырая рыба или мясо, употребляемые в пищу, строганина’. Рефлексы этого слова представлены, в частности, в эвенкийском *talaka-* ‘есть сырое мясо (сырую печень) или сырую рыбу’, нанайском *talā* ‘строганина (еда из сырой мелко нарезанной рыбы)’, маньчжурском *talka-* ‘есть недожаренную рыбу или сыроватое мясо’.

Источником заимствования слова *talaka был, скорее всего, предок нивхского языка, ср. нивхское *talk* (чередование в анлауте: *talk ~ ralk ~ dalk*). Если бы данное нивхское слово было заимствованием из тунгусо-маньчжурских языков, то в них анлаутный согласный был бы звонким (*dalaka), ср. нивхское *taj ~ raj ~ daj* ‘курительная трубка’, заимствованное из тунгусо-маньчжурских языков (соответствие имеется, например, в нанайском языке: *dai* ‘курительная трубка’). Есть ещё один аргумент в пользу того, что заимствование в данном случае было из предка нивхского в пратунгусо-маньчжурский, а не наоборот: по-нивхски *talva-* означает ‘быть сырым (не варёным)’; по-видимому, нивхское *talk* ‘строганина из свежей или мороженой рыбы’ и нивхское *talva-* ‘быть сырым (не варёным)’ имеют общий корень. Таким образом, весьма вероятно, что нивхское название строганины было образовано в нивхском языке, а тунгусо-маньчжурское её название было заимствовано из нивхского.

Выводы

Тунгусо-маньчжурский базисный праязык, вероятно, имел контакты с предком нивхского или с языком, родственным нивхскому. Впрочем, пока удалось найти только одно предполагаемое заимствование из пранивхского в пратунгусо-маньчжурский.

В тунгусо-маньчжурском промежуточном праязыке *АСТ заимствований из палеоазиатских языков – из предка чукотско-корякских (чукотско-камчатских?) и/или из предка нивхского – или не было, или было крайне мало.

В более позднем промежуточном тунгусо-маньчжурском праязыке *СТ было

несколько заимствований из предка чукотско-корякских (чукотско-камчатских?) языков. Вероятное время существования промежуточного праязыка *СТ – вторая половина первого тысячелетия нашей эры, гипотетическая его локализация – бассейны левых притоков Амура.

Что касается тунгусо-маньчжурских финальных праязыков, то только в финальном праязыке *Т было несколько заимствований из чукотско-корякских языков.

Таким образом, контакты тунгусо-маньчжурских языков с чукотско-корякскими (чукотско-камчатскими?) были на протяжении нескольких столетий, вероятно, где-то в бассейнах левых притоков Амура.

При весьма ограниченном количестве заимствований из палеоазиатских языков в тунгусо-маньчжурские удивительным кажется заимствование некоторых слов, относящихся к базисной лексике.

Литература

- Аникин, Хелимский 2007 – А.Е.Аникин, Е.А.Хелимский. Самодийско–тунгусо-маньчжурские лексические связи. Москва: Языки славянской культуры, 2007.
- Василевич 1958 – Эвенкийско-русский словарь. Составила Г.М.Василевич. Москва: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1958.
- Василевич 1966 – Исторический фольклор эвенков. Сказания и предания. Запись текстов, перевод и комментарии Г.М.Василевич. Москва–Ленинград: Наука, 1966.
- Дуткин 1995 – Х.И.Дуткин. Аллаиховский говор эвенков Якутии. Санкт-Петербург: Наука, 1995.
- Жукова 1972 – А.Н.Жукова. Грамматика корякского языка. Фонетика и морфология. Ленинград: Наука, 1972.
- Кормушин 1998 – И.В.Кормушин. Удыхейский (удэгейский) язык. Москва: Наука, 1998.
- Крейнович 1958 – Е.А.Крейнович. Юкагирский язык. Москва–Ленинград: Издательство Академии наук СССР, 1958.
- Крейнович 1973 – Е.А.Крейнович. Нивхгу. Загадочные обитатели Сахалина и Амура. Москва: Наука, 1973.
- Молл 1960 – Корякско-русский словарь. Составила Т.А.Молл. Ленинград: Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства просвещения РСФСР, 1960.
- Мыреева 2004 – А.Н.Мыреева. Эвенкийско-русский словарь. Новосибирск: Наука, 2004.

- Новикова 1980 – К.А.Новикова. Очерки диалектов эвенского языка. Ольский говор. Глагол, служебные слова, тексты, глоссарий. Ленинград: Наука, 1980.
- Сем 1976 – Л.И.Сем. Очерки диалектов нанайского языка. Бикийский (уссурийский) диалект. Ленинград: Наука, 1976.
- ССТМЯ 1975 – Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. Материалы к этимологическому словарю. Том I. Ленинград: Наука, 1975.
- ССТМЯ 1977 – Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. Материалы к этимологическому словарю. Том II. Ленинград: Наука, 1977.
- Ikegami 1997 – Ikegami Jirô. A Dictionary of the Uilta Language Spoken on Sakhalin. Sapporo: Hokkaido University Press, 1997.
- Tsumagari 2009 – Tsumagari Toshiro. Grammatical Outline of Uilta (Revised) // Journal of the Graduate School of Letters, Hokkaido University. Vol. 4. Sapporo, 2009. Pp. 1-21.
- Westlamutische Materialien 1978 – Westlamutische Materialien. Aufgezeichnet von Arvo Sotavalta, bearbeitet und herausgegeben von Harry Halén. Suomalais-Ugrilainen Seura. Helsinki, 1978.
- Yamaguchi and Izutsu 2004 – Yamaguchi Kazuhiko and Izutsu Katsunobu (eds.). Basic Vocabulary of the Nivkh Language (Poronaisk Dialect) // Bulletin of the Hokkaido Museum of Northern Peoples 13. Publication Series of Hattori Bunko 1. Abashiri, 2004. Pp. 23-35.

[С профессором Т. Цумагари]